

Ведьма была зла, хотя это, вероятно, обычное состояние злых ведьм.

В лицо Виктора нацелилось веретено, с кончика которого начали срываться искры.

— Ах ты, гадкий паук! — воскликнула ведьма. — Решил, что можешь забраться в мой дом и плести свои сети?!

Виктор застыл. Кажется, он слегка переборщил, пытаясь спровоцировать злую ведьму выдать хоть немного настоящих эмоций. Что ж, эмоций было предостаточно, и они уже вытекали через край.

«Только не в жабу!» — подумал Виктор, но по глазам ведьмы он понял, что каким-то превращением не отделается. Она собиралась его убить!

Резкий взмах веретена, каркающий выкрик, чердак заливают пурпурная вспышка.

Виктор успел лишь зажмуриться...

...За три часа до этого жизнь казалась такой будничной, и ничто вроде бы не предвещало страшной смерти от рук злых ведьм.

Лондон, по своему обыкновению, ворчал, как извечно всем недовольный дедушка, которому пытаются подоткнуть плед. Городские кебы, проводившие больше времени в заторах, чем в движении, походили на черные заплатки, пришитые кем-то на серое одеяло улицы. Они тряслись, дымили, то и дело тут и там раздавались нетерпеливые гудки.

В одном из кебов сидел Виктор Кэндл. Безучастно наблюдая в окно за парящими в воздухе снежинками, он не шевелился и не издавал ни звука. Со стороны могло показаться, будто он спит с открытыми глазами. Мысли его сейчас блуждали где-то далеко: может, за углом, а может, еще дальше — в вагоне поезда или в родном городе, где он оставил больше, чем часть себя.

После того, что произошло в Уэлихолне, Виктор пытался сделать вид, что жизнь продолжается. Кажется, ему даже удавалось притворяться. Никто вроде бы ничего не замечал, но на деле он уже давно не был собой.

По правде, Виктор не представлял, кто он теперь.

Все прежние заботы, вся жизнь, что была до, — буквально все в одночасье утратило смысл. Он будто шел куда-то, а потом внезапно остановился посреди улицы, забыв, куда направлялся, больше не понимая, зачем вообще куда-то идти. Странный потерявшийся человек в толпе безликих прохожих, торопящихся по своим делам.

Когда он узнал о том, что рядом, стоит только отвернуть краешек газеты и скосить взгляд, таится жутковатый, но причудливый мир, который ото всех скрывают... Как он мог просто вернуться к блеклым новостям в газете?

Решение уйти из редакции возникло почти сразу же после возвращения в Лондон. Идея о том, чтобы написать книгу, появилась позже.

У Виктора не было писательских амбиций. По сути, он все это затеял лишь в надежде, что, записав имевшие место события, сможет хоть как-то примириться со случившимся. Он до сих пор не до конца понимал, что именно произошло дома на Хэллоуин, и думал: «Если я по порядку и предельно подробно изложу все на бумаге... Может, тогда получится во всем разобраться и вновь отыскать направление?..»

Попросив расчет, он так и сказал господину редактору: «Сэр, кажется, я уже выдал свою последнюю статью. Чем займусь? Да вот, думал написать книгу». На что тот в свойственной ему манере ответил: «Кэндл, подбери голову с пола

и пришей ее на место! Какая еще книга? Не дури! Ты отличный репортер — твое место здесь!»

Виктор больше не знал, где его место и есть ли оно вообще. Еще вчера он был обычным газетчиком из вроде как обычной семьи, снимал комнату в непримечательном доме на Роудвуд-парк и выслушивал нравоучения от самой тривиальной из всех экономок. И тут выясняется, что семья у него вовсе не обычная, дом в Лондоне, который, как ему казалось, он выбрал случайно, всегда принадлежал его семье, а экономка мало того что ведьма, так еще и была приставлена на его матью за ним присматривать.

Все это походило на дурной сон. Что происходит в действительности, а что — лишь плод его воображения? Все эти мысли принадлежали ему или их кто-то надиктовал? Совершал ли он те или иные поступки сам или же им всегда держали, как чертовой марионеткой?

Не так страшно, когда тебя окружают ведьмы, страшнее то, что эти ведьмы — видимо, все без исключения — испытывают нездоровую страсть к интригам...

Кеб вдруг остановился. Очередной затор или?..

С переднего сиденья раздалось:

— Чёрч-Роу, 16.

Голос кебмена вырвал Виктора из размышлений и напомнил ему, куда он ехал.

Заплатив, он ступил на тротуар, надвинул шляпу пониже и поправил шарф.

— Ну конечно, как же без этого, — проворчал Виктор, глядя через кованую ограду на старинное кладбище.

Среди деревьев и беспорядочно разросшихся кустов ежевики замерли покосившиеся каменные кресты и потрескавшиеся от времени надгробия. Медленно опускались снежинки, почти сразу же тая, но тут и там они ненадолго задерживались на холодном камне могильных плит, напоминая мелкие клочки порванных писем. Ветер на время улегся, и, стоило кебу исчезнуть за поворотом, все кругом погрузилось в тишину.

Придерживая висевшую на плече сумку, Виктор побрел вдоль ограды.

Чёрч-Роу. Спрятанный, как в чемодане под кроватью, уголок старого Лондона. Столбы газовых фонарей, выстроившиеся вдоль узкой мостовой, тесно стоящие дома с темными и пустыми окнами, которые частично проглядывают через обнаженные кроны деревьев... Чем-то это место напоминало Уэлихолн.

Дом № 16 располагался на краю кладбища и представлял собой трехэтажное строение из коричневого кирпича с темными окладами окон, которые походили на картинные рамы.

За задернутыми шторами ничего нельзя было разглядеть, и Виктор, толкнув калитку, подошел к двери.

Почтовый ящик, табличка с номером, дверной молоток. Обычная дверь обычного дома.

Виктор уже поднял было руку, чтобы постучать, но так и замер. Дверь была приоткрыта.

«Что делать?» — подумал он.

Заходить в чужой дом без стука было бы весьма грубо, но, с другой стороны, он ведь получил приглашение, хоть оно и было столь необычным. Может, дверь оставили открытой для него и хозяин хочет избежать лишнего шума?

Виктор осторожно открыл дверь, и ему предстала прихожая: зеркало, вешалка, пара дверей и лестница. При этом в глаза сразу же бросались явные признаки запустения. Пальто на вешалке отсутствовали, как и туфли на обувной стойке, всюду была пыль.

Опустив взгляд, Виктор увидел следы в пыли. Цепочкой они протянулись через прихожую к лестнице.

«Так-так...»

Он мысленно отметил, что следы, судя по размеру обуви, принадлежат мужчине и ведут лишь в одну сторону — вглубь дома.

Оставив дверь приоткрытой на случай, если придется спастись бегством, Виктор перешагнул порог. При этом

табличка с номером дома вдруг изменилась: «16» превратилось в «12», а затем все вернулось как было, словно ничего и не произошло.

Виктор этого уже, разумеется, не видел. Не отрывая взгляда от следов, он преодолел прихожую и двинулся вверх по лестнице. Лежащий на ней ковер заглушал звуки шагов.

Под руку с Виктором по ступеням поднималось волнение. Он все гадал, кого встретит наверху, но ни одного, даже самого завалящего, предположения не было. Хотелось думать, что он приехал сюда не зря.

Лестница привела его в коридор с деревянными панелями на стенах и погашенными газовыми лампами. Первая дверь справа была открыта. В комнате горел свет, даже на расстоянии в несколько шагов от нее ощущалось странное, неуместное в этом доме тепло. Цепочка следов протянулась к двери.

Стараясь не шуметь, Виктор приблизился.

За дверью располагалась гостиная, и в ней, в отличие от прихожей и коридора, признаки запустения отсутствовали: здесь было прибрано и горел камин, возле которого разместились диванчик и пара кресел.

А еще в гостиной кое-кто был.

Склонившись над столом, спиной к двери стоял мужчина в твидовом клетчатом пальто и коричневом котелке. Его фигура и поза показались Виктору странными. Он не сразу понял, что незнакомец вовсе не склонился над столом, а стоит прямо и пальто натянуто на внушительных размеров горб.

— Ну наконец. Я уже и не надеялся, что дождусь, — сказал горбун и обернулся.

Виктор попятился. Перед ним стоял мертвец!

Тут же всплыли воспоминания о событиях в родовом особняке Кэндлов, произошедшие на Хэллоуин. Тот, на кого он глядел сейчас, был одним из гостей — и этого гостя постигла незавидная судьба. Из памяти, словно из ящика, Виктор вытащил фамилию. Тачбоун.

— Это вы! Но как? Вы же мертвы!

Горбун невесело усмехнулся.

— Я становлюсь мертв, только когда моя фляжка пустеет. — Видимо, для наглядности, он помахал ржавой фляжкой, которую держал в руке. — С кем имею честь?

— Виктор Кэндл.

— Кэндл? Из Крик-Холла?

Виктор нахмурился.

— К чему эти игры, мистер Тачбоун? Вы знаете, кто я.

Не спуская с него взгляда, горбун сделал глоток из фляжки. Голова его вдруг начала дымиться, и он приподнял котелок, выпуская дым. Уже привычный к различным колдовским причудам Виктор не повел и бровью.

— Я впервые вас вижу, мистер Кэндл, — разогнав облако рукой, сказал горбун. — Должно быть, вы встречали моего брата Гудди. Нас часто путают из-за носа. Семейная черта.

Виктор не стал уточнять, что далеко не нос выделяет братьев Тачбоун. Впрочем, он и правда обозначился. Чем дольше Виктор глядел на этого человека, тем больше находил отличий от того горбуна, которого встретил в Крик-Холле: чуть менее круглое лицо, въедливые черные глаза и — главная особенность — подкрученные напояженные усы.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил Виктор.

— Бэдвард Тачбоун, к вашим услугам.

— Простите, вы сказали: «Эдвард»?

— Бэдвард, — повторил горбун. — Но меня часто называют Бэдди. Нас было двое у матушки: Бэдди и Гудди. Я вел себя из рук вон плохо, а Гудди всегда был примерным ребенком. Пока матушка смотрела...

Семейная история этого человека, несомненно, была очень занимательной, вот только Виктора сейчас волновало кое-что другое.

— Что ж, — твердо произнес он. — Полагаю, теперь вы можете сказать, зачем меня сюда заманили и что все это значит, мистер Тачбоун.

Горбун снова усмехнулся и покачал головой.

— Я вас сюда не заманивал, мистер Кэндл. Более того — я и сам хотел бы узнать, что за чепуха здесь творится.

Мистер Тачбоун щелкнул пальцами, и в его руке появилась книга «Черный Лес». Виктор достал из сумки точно такую же.

— Значит, и вы получили приглашение на чаепитие, — отметил горбун.

— Я получил книгу, свечу и прочее... Погодите! «Чаепитие»?

Мистер Тачбоун отодвинулся в сторону, и Виктор наконец разглядел то, что горбун изучал, когда он вошел.

К прямоугольному столу были приставлены четыре стула, напротив каждого стояло блюдце с чашкой чая. Судя по пару, который поднимался от чашек, чай был еще горячим. В центре разместилось блюдо с печеньем.

— Здесь никого не было, кроме вас?

— Я прибыл минут десять назад. Никого не было. Прежде чем заходить, я понаблюдал за домом с улицы. Еще я перебросился парой словечек с соседкой из дома справа. Милая старушка с очень вредным котом — вот только путает номера домов: почему-то утверждала, что это двенадцатый дом. Впрочем, по ее словам, здесь никто давно не живет.

— Вы поговорили с соседкой? Дальновидно.

Виктор укорил себя за то, что не догадался изучить это подозрительное место, прежде чем соваться внутрь.

Мистер Тачбоун продолжил:

— Дверь была открыта, и я вошел. Осмотрел дом. Он и правда не выглядит так, будто здесь кто-то живет. Но в гостиной горел камин, на столе ожидали чай и печенье. Вероятно, все это приготовили прямо перед моим появлением. Насколько я могу судить, в доме больше никого нет.

Виктор поймал себя на том, что до сих пор стоит в дверях, и зашел в комнату.

— Я не видел следов внизу, кроме ваших...

— Должно быть, хозяин ходил через вон тот шкаф. — Горбун ткнул фляжкой в высокий резной гардероб в углу. — От него пахнет ведьминым ходом.

Достав из кармана пальто блокнот с карандашом, Виктор записал: *«Нежилой дом. Было не заперто. Шкаф. Ведьмин ход? Камин. Чай. Печенье. Чаепитие? Бэдвард Тачбоун».*

Глядя на него, мистер Тачбоун хмыкнул:

— Репортер, да? Повадки вашей братии сразу видно.

Виктор кивнул. Старые привычки никуда не делись, а уточнять, что работа в газете осталась в прошлом, он не стал. И правда, не говорить же первому встречному, что он теперь... Даже мысленно язык не поворачивался называть себя писателем.

— Работаете в «Дурной Луне»? — спросил мистер Тачбоун. — Или в «Лондонском Свитке»?

— В «Телеграф».

Мистер Тачбоун почесал подбородок.

— Но ведь это... обычная газета. Странно... Я думал, раз вы Кэндл, то...

Виктору не понравилось, как это прозвучало. Видимо, горбун считал, что он один из *них*, если он из семьи ведьм и колдунов.

— Ваш брат не рассказывал вам обо мне?

Лицо мистера Тачбуна вытянулось и помрачнело.

— С чего бы?

Виктор замялся.

— Он был приглашен на праздник в Крик-Холл — вот я и подумал, что он знает, как там все устроено.

Мистер Тачбоун вздохнул.

— Мы с братом редко общались в последнее время. Он состоял в ковене Тэтч, а я стараюсь держаться от ковен-нов подальше. Терпеть не могу сборища ведьм. Впрочем, и Гудди тоже. Я был весьма озадачен, узнав, что он отправился в Уэлихолн, и решил, что это как-то связано с его розысками.

— Розысками?

— Он был... В общем, он охотился за различными колдовскими реликвиями — его нанимали, чтобы разыскать какой-нибудь утерянный или похищенный предмет старины: прабабушкино кольцо, которое позволяет обладательнице выглядеть молодо, дядюшкины запонки, помогающие выигрывать в карты, фамильная метла, фамильные чайные ложечки, фамильная шляпа или зеркало. Как вы уже поняли, это часто что-то фамильное. У Гудди был нюх на такие вещи.

— Вы тоже охотник за разными диковинками? Ищете древности?

Мистер Тачбоун подкрутил усы.

— О, вы бы знали, какие экземпляры порой попадают мне в руки. Подчас некоторые из них такие древние, что потом неделю приходится чистить костюм щеткой.

Виктор вспомнил о вежливости:

— Позвольте принести вам свои соболезнования, мистер Тачбоун.

Горбун отвел взгляд в сторону.

— Знаете, как говорят, мистер Кэндл? Плох тот шабаш, который обходится без заговора и убийства.

Виктор не слышал этого выражения, но, учитывая все то, что произошло прямо на его глазах, спорить было глупо.

— Я так и не успел как следует познакомиться с вашим братом, — сказал он. — Но зато я помню, как волочил по лестнице его чемодан. Эх, и повозиться пришлось: чемодан был тяжеленный, еще и без ручки. И только когда я дотащил его до комнаты, ваш брат сказал, что ручка крепится отдельно и странно, мол, что я ее сразу не попросил.

— Старый добрый Гудди и его розыгрыши. Порой ему доставляло удовольствие...

Мистер Тачбоун внезапно замолчал.

— Что с вами?

Горбун резко вскинул руку и замер. Кивнув на дверной проем, он выразительно округлил глаза, и тут до Виктора донесся едва уловимый шорох. В коридоре кто-то был.

— Кто там прячется?! — воскликнул мистер Тачбоун. — Покажитесь!

Раздался стук каблуков, и в гостиную осторожно заглянула девушка.

На вид ей было около двадцати пяти лет, но серое шевиотовое пальто и примятая шляпка-клош существенно ее старили. Самым примечательным в незнакомке были очки с толстыми стеклами, чрезмерно увеличивающие и без того то ли удивленные, то ли испуганные глаза.

— Про-простите, — неуверенно проговорила девушка, прижимая к груди сумочку, из которой торчала книга. — Я не знаю точно, сюда ли мне нужно было попасть. Но адрес был указан этот, и я...

Она замолчала, словно не зная, что добавить.

— Несколько анонимных посланий, книга «Черный Лес» и прочая чепуха? — спросил горбун.

Девушка кивнула.

— Мы тоже их получили, — сказал Виктор, после чего представил себя и мистера Тачбуона.

— Эсме Бинкл, — назвала свое имя обладательница очков с толстыми стеклами и окинула взглядом гостиную. — А вы не знаете, кто и зачем нас сюда пригласил?

— К сожалению, нет, мисс, — сказал мистер Тачбоун. — Мы пришли незадолго до вас. Я вижу, что вы не знаете, кто мы. Жаль-жаль, я-то надеялся, что вы были среди гостей Крик-Холла в Хэллоуин. Это хоть что-то бы прояснило.

Он бросил быстрый взгляд на Виктора, и тот покачал головой: Виктор был уверен, что прежде не встречал эту девушку.

Мисс Бинкл между тем поправила очки и с забавной важностью продекламировала:

— Крик-Холл, Уэлихолн, графство Эссекс. Построен в 1317 году вскоре после битвы на холме Ковентли между королевской армией и войсками мятежного графа Кроу. В 1520 году дом сгорел почти полностью и был отстроен

в первозданном виде. В 1900 году, во время последней войны ведем, в Крик-Холле располагался штаб Объединенного Королевства Англии.

Виктор и мистер Тачбоун удивленно переглянулись, и мисс Бинкл пояснила:

— Я букинист — работаю в книжной лавке «Гримуар Бинкла», которой владеет мой дядя. У нас продаются редчайшие и старейшие книги во всей Англии. Я много читаю...

— Вы точно меня не знаете? — спросил мистер Тачбоун, заметно оживившись. — Не видели меня, когда я заходил в «Гримуар Бинкла»? Вернее, не я, а некто на меня похожий?

Виктор понял, к чему он клонит:

— Ваш брат посещал эту лавку?

— Гудди не раз заглядывал туда во время поиска того или иного предмета старины, копался в книгах.

— Прошу прощения, мистер Тачбоун, но я не видела вашего брата, — сказала Эсме Бинкл, крепче прижав к себе сумочку, как будто боялась, что ее украдут. — Почти все время я провожу за своим столом в глубине лавки — изучаю хроники и Тайную историю. Я только недавно встала за стойку: подменяю дядю, пока он гостит у брата, моего другого дяди, в Эдинбурге.

Мистер Тачбоун сделал очередной глоток из фляжки и задымился.

— Трое незнакомцев, собранные вместе таинственным отправителем таинственных посланий, — задумчиво проговорил он.

— Думаете, все это как-то связано с вашим братом? — спросил Виктор.

— Я пока не знаю, что и думать.

— О, чай! — воскликнула мисс Бинкл, увидев накрытый к чаепитию стол. — Это ведь для нас? Я не против чая: на улице холодно, и я совсем продрогла.

Она подошла к столу и вдохнула ароматный пар, поднимающийся из чашки.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

